

История мансийской литературы

У каждого народа свое лицо – свой сложный многовековой духовный мир, воплощенный в слове. И, говоря о развитии мансийской литературы и ее современном состоянии, нужно, в первую очередь, вспомнить те факторы, которые предшествовали зарождению литературы, и, конечно же, обусловили ее идейно-художественное своеобразие. Речь идет о значении устного народного творчества, и о мифологии как истока познания и самовыражения народа. Сегодня устное народное творчество является одним из основных видов богатств народа манси. Поэтическое творчество людей былых веков воссоздает перед нами целостную и своеобразную картину видения мира, мира духовного и материального, неповторимость которого раскрывается в образной системе поэтики, унося слушателей в мир народной жизни, верований, обычаев. Подчеркнем мысль, что в бесписьменный период мансийским народом создавались прекрасные произведения фольклора, в которых отражалась система моральных, философских и нравственных ценностей, выработанных на протяжении веков.

К письменному периоду мансийской литературы относятся авторские произведения, которые своим зарождением обязаны 30-м годам XX века. Близость писателей-северян к народным истокам, к фольклорно-мифологическим традициям побудила их обратиться к богатому наследию своего народа. Фольклор явился для них основой литературной деятельности.

Первые литературные опыты принадлежат представителям кондинских манси. У истоков мансийской литературы стоят имена П.К. Чейметова («Два охотника» — 1940), М.А. Казанцева («Рассказ о себе» — 1949), М.П. Вахрушевой (стихотворения в сборнике «Хантыйская и мансийская поэзия» 1940, повесть «На берегах Малой Юконды», 1949). Творчество первых писателей – необходимое звено в истории родной литературы. Вобрав в свои

произведения эстетические достижения народа, писатели выразили новый уровень художественного мышления.

На начальном этапе развития национальных литератур, творчество писателей-северян (переводы стихов на русский язык), вследствие потери определённых традиционных особенностей, выглядели слабо. Русскоязычный читатель имел возможность знакомства с их творчеством только через переводы. И поэтому, северные литературы на раннем этапе становления, написанные под воздействием русского стихосложения или представленные в переводах, не раз становились объектом несправедливой критики.

Но, несмотря на это, одной из закономерностей северного литературного процесса явилось то, что многие народы, стоявшие на грани исчезновения, сумели выдвинуть первоклассных художников слова, их творчество обогатило всемирную литературу «новыми героями, новыми красками, новым видением мира» [1, с. 73].

Отметим также, что на содержание творчества писателей влияла атмосфера времени, т.е. в своем становлении и развитии все северные литературы подчинялись общим закономерностям развития литературы в России и в мире. Например, в 1920-х годах Советская многонациональная литература утверждала справедливость дела революции, в ней преобладал пафос радости происшедшим и прославления деятельности масс. Литература 1930-х годов – это увеличение круга героев, вовлечённых в бурлящий поток истории, полнота чувств и переживаний, связанных с тем, как человек относится к переменам в общественной жизни. Литература 1940-х годов выражала патриотические позиции советских писателей: их близость к народу, любовь к отечеству, ненависть к фашизму. Она говорила народу правду, вселяла уверенность в победе над врагом. Литература послевоенного периода (завершается примерно серединой 1950-х годов) наряду с радостью и ликованием несла в себе скорбь о миллионах убитых, пропавших без вести, искалеченных людей. Духовную основу литературы составило мироощущение, выстраданное и завоеванное в четырехлетней войне, и определившее идейную

проблематику, пафос и художественные черты. В послевоенные годы, когда над миром нависла тень «холодной войны» в литературе ощущается «потребность в художественном синтезе новых процессов современности» [2, с.116]. Политическая лирика, опирающаяся на традиции и опыт В. Маяковского, становится боевым оружием. Из года в год появляются циклы стихов, призывающих к миру между народами и к борьбе за свободу и независимость. Определяющими чертами литературы конца 1950-х годов можно назвать «углубляющийся процесс художественной типизации, укрупнения социального анализа художественного мышления. По-разному модифицируясь в каждой национальной литературе, эти тенденции определяют немало показательного в общесоюзном литературном процессе» [3, с.152]. 1960-80-е годы критика называет временем «половодья» больших форм прозы. Развитие романа и повести отвечает общей устремленности искусства к осмыслению глобальных, сущностных проблем эпохи, связанных с судьбами и бытием всего человечества, к широкой постановке морально этических проблем, включающих весь комплекс вопросов о взаимоотношениях человека и общества.

Перенимая опыт старших литератур, литературы народов Севера, в том числе и мансийская, в своем развитии тоже прошли несколько этапов. Начиная с самых истоков и в период становления северных литератур, рядом с первыми писателями-северянами всегда были лингвисты и языковеды, филологи и фольклористы В.Н. Чернецов, П.Е. Терешкин, А.Н. Баландин, Н.И. Терешкин, В.С. Штейниц, В.В. Сенкевич (Гудкова), И.С. Гудков, М.Г. Воскобойников.

На первом этапе, охватывающем конец 1920-е – 1940-е годы, большинство произведений создавались по принципу «прежде и теперь». Писатели сравнивали, как жили их народы до Октябрьской революции и после. Литература имела просветительский характер, несла знания, рассказывала о преимуществах новой жизни, а также активно участвовало в становлении литературного языка. Рассказ П. Чейметова «Два охотника» (перевод В. Наумовой) соотносится с начальным этапом формирования мансийской

литературы. И хотя произведение создано под воздействием социалистического реализма и освещает тему по схеме: прошлое — плохо, новое — хорошо, все же в творчестве П. Чейметова налицо фольклорные истоки, в частности описание обряда почитания и «задабривания» священного зверя – медведя, который проводит манси Трофим. П. Чейметовым раскрывается национальный тип человека Севера. Ева Тулуз справедливо отмечает, что «весь рассказ пронизан ментальностью манси, смешанной с его личным жизненным опытом» [4, с. 105]. Б.Л. Комановский считает, что П. Чейметов сумел «очертить живую фигуру старого манси с его предрассудками, охотничьей сноровкой и самостоятельным умом» [5, с. 22].

М. Вахрушева в литературе больше известна как автор повести «На берегах Малой Юконды». Повесть М. Вахрушевой лирична. В отличие от предшественника, она оказалась более внимательной к художественным деталям; поэтичность повести связана с национальной фольклорной поэтикой.

В 1949 году выходит еще одно произведение в мансийской литературе – рассказ М. Казанцева «Рассказ о себе». Рассказ написан на русском языке и построен по традиционной для литератур народов Севера конца 1930-х — начала 1950-х годов схеме. В своем рассказе автор убеждает читателя в том, что при царе власть малые народы угнетала, а при большевиках на Север пришло счастье. В связи с этим идейно-художественное своеобразие произведения больше соответствует начальному этапу становления северных литератур, но фольклорные «вкрапления» и освещение проблем современности, учитывая и хронологические рамки, позволяют отнести рассказ М. Казанцева ко второму этапу развития мансийской литературы.

1950-1970 гг. относятся к периоду взросления и становления литератур народов ханты и манси. В литературу приходят Ю. Шесталов, А. Тарханов, А. Конькова. Они знакомы с творчеством своих предшественников, знакомы и с фольклорным наследием народа. Народное поэтическое творчество наделило их особенностями национального мышления и образным видением мира,

использованием изобразительных средств. Знакомы писатели и с опытом русской классической, советской многонациональной и зарубежной литератур.

Ю. Шесталов сначала создает произведения на родном языке и сразу же обнаруживает свое крупное лирическое дарование. Такого поэта до Ю. Шесталова у манси еще не было, коль скоро мы не признаем литературным опыт шаманских камланий, которые, несмотря на бесписьменную форму, все же были авторскими. Уже это дает основание считать Шесталова-лирика основоположником поэзии в мансийской литературе. И дело не в том, что в этой области он был первым. Автобиографизм в его лирике приобретает черты историзма и народности. Лирическое «Я» Ю. Шесталова вбирает в себя не только мир чувств и переживаний конкретного лица, которое вместе с тем явлено достаточно ярко, но и «душу народа» в историческом пространстве и времени. Как ни парадоксально, этим объясняется дальнейший переход Ю. Шесталова к русскоязычной прозе: ему был нужен более широкий круг читателей – лирика переходит в эпос, сохраняя лирический автобиографизм как исток и основу крупных эпических форм. О каждом из многочисленных персонажей его повестей можно судить как о лирическом герое. И вместе с тем своеобразный полифонизм его лирических повестей имеет свой стержень и центр, каковым остается Автор. Таким образом, являясь основоположником мансийской поэзии, Ю. Шесталов вносит это свое основополагающее начало и в прозу. В этом отличие его опыта не только от предшественников, но и от современников, в творчестве которых нет такого уникального синтеза (А. Тарханов остается в пределах русскоязычной лирической поэзии, а А.М. Конькова уже может считаться последовательницей Ю. Шесталова и развивает его традицию в повести «И лун медлительных поток...» (1982).

Имя «бабушки Аннэ» — А.М. Коньковой (1916-1989) – широко известно. Ее произведение, написанное в соавторстве с Г.К. Сазоновым (1934-1988) «И лун медлительных поток...» (1982) — не традиционная для литератур народов Севера автобиографическая хроника. В романе-сказании авторы в образной форме познакомили читателей с историческим прошлым народа манси

восточного региона, с его бытом, культурой. Обряды свадьбы, рождения ребенка, похорон, обычаи, бытовые взаимоотношения людей и множество других сторон национальной жизни манси создают у читателя наглядное представление о культуре народа. В художественной структуре произведения доминирует историческое время и пространство. Жизнь маленькой деревни Евры представлена как составная частица целого этноса, как вечный вселенский процесс. Этот мир национально самобытен и мифологичен. Движение жизни передается как естественная смена поколений рода Картиных. Сами авторы определили жанр своего произведения как роман-сказание. Ю. Шесталов назвал это произведение «удивительно своеобразным», а о творчестве другого своего современника он сказал: «Открытую, как просторы Севера, душу, способную принять все боли и радости, хорошо выразил манси Андрей Тарханов» [6, с. 3].

А.С. Тарханов – лирик. В его поэзии видится все богатство его души, он поэтизировал очень многие её состояния – от восторженного, возвышенного до состояния одиночества и философских раздумий о Вере, Космосе, дружбе, любви. Творческий путь А. Тарханова насчитывает, как и у Ю. Шесталова, более полувека. В отличие от собрата по перу, его творчество только русскоязычно. Опираясь на достижения русской классической поэзии, поэт сумел создать превосходную, полную мысли и чувства национальную поэзию. А. Тарханов опроверг пессимистическое предсказание Фета о роковой неспособности малых народов России освоить тончайшие и изысканные формы поэзии. Истоки творчества А. Тарханова находятся в его народе, он берет силы в неисчерпаемом фольклоре манси и, укрепляясь ими, доводит свой стих до оригинальной авторской формы. Русская поэтическая классика во многом способствовала совершенствованию его творческого мастерства.

Итак, мансийская литература, как и литературы народов Севера, прошла путь «ускоренного» развития. Бесписьменные народы, стоящие на грани исчезновения, в XX веке выдвинули первоклассных художников слова, творчество которых обогатило всемирную литературу новыми героями, новыми

красками, новым видением мира. Особенностью исторического пути развития мансийской художественной литературы является то, что с самого начала своего возникновения она встала на путь правдивого отражения жизни народа.

Неоценим вклад, привнесенный в мансийскую литературу русскими авторами: В. Чернецовым (сборник сказок «Земляной братец»), М. Плотниковым (поэма «Янгкыл-маа», 1933), И. Авдеевым (сборник переводов мансийских песен, исполняемых на медвежьем празднике «Песни народа манси», 1936), мансийскими авторами Н. Садоминым (поэма «Пася, рума», 2001), А.И. Сайнаховой, М.Т. Двиняниновой и др.

В целом, современная мансийская литература, когда рядом с нами был Ю. Шесталов, представляла собой сложное, своеобразное, далеко не однозначное, но очень интересное явление. Писатель ушел, творческое наследие осталось, и оно будет востребованным читателями и исследователями. Как отмечает Петер Домокош в книге «Формирование литератур малых уральских народов» (Йошкар-Ола, 1993) творчество Шесталова будет у себя на родине востребовано лет через 50, т.е. оно будет актуальным еще многие-многие годы. Сегодня пишущими мансийскими авторами являются А. Тарханов и С. Динисламова. В последние годы вышли книги А. Тарханова «Видение пророков», С. Динисламовой «Мы есть..», последняя книга Ю. Шесталова «Шаманские тайны откровения слова «Русь». Считаю, что литература издается, значит, она находится в развитии. В качестве перспектив отметим и то, что все чаще на страницах мансийской газеты "Луима сэрипос" стали появляться литературные произведения самобытных авторов М. Двиняниновой, Г. Ларионовой, Т. Бахтияровой (молодого автора). На русском языке изданы книги Н.Г. Руковой, радуют своим творчеством молодые авторы И. Тургачева, С. Ремезов. Творчество каждого автора играет роль в развитии родной литературы, а в целом мансийская литература занимает достойное место в созвездии многонациональных литератур.

